

Библиография / References

- Fyfe, Ch. (1964) *Sierra Leone Inheritance*. L.: Oxford University Press.
- Kolapo, F.J. (2000) "CMS Missionaries of African Origin and Extra-Religious Encounters at the Niger-Benue Confluence, 1858–1880", *African studies review* 43 (2): 87–115.
- Kolapo, F.J. (2000) "The 1858–1859 Gbebe Journal of CMS Missionary James Thomas", *History in Africa* 27: 159–192.
- Kolapo, F.J. (2005) "Christian Missions and Religious Encounters at the Niger-Benue Confluence before Colonization", in A. Ogundiran (ed.) *Precolonial Nigeria, Essays in Honour of Toyin Falola*, pp. 509–524. Africa World Press.
- Kolapo, F.J. (2005) "Making favorable impressions": Bishop Crowther's CMS Niger mission in jihadist Nupe Emirate, 1859–1879", in Ch. J. Korieh, U.G. Nwokeji (eds) *Religion, History, and Politics in Nigeria*, pp. 29–51. UPA.
- Kolapo, F.J. (2018) "Anglicanism in West Africa", in W. Sachs (ed.) *Oxford History of Anglicanism. Vol. 5*, pp. 124–147. Oxford University Press.
- Onwuka, D. K. (1962) *Origins of the Niger Mission 1841–1891*. Ibadan University Press.
- Page, J. (1890) *Samuel Crowther. The Slave Boy who became Bishop of the Niger*, p. 118. New York: Fleming H. Revell Company.
- The Centenary Volume of the Church Missionary Society for Africa and the East 1799–1899 (1902)*. London: Church Missionary Society.

Bongmba, E. K. (ed.) (2020) *The Routledge Handbook of African Theology*. Abingdon: Routledge. — 535 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-3-305-313>

Африканская теология привлекает внимание исследователей из самых разных академических дисциплин. Ключевыми причинами такого интереса можно считать: интеллектуальную притягательность самого континента, проделавшего в западном политическом и культурном дискурсе эволюцию от «континента бедности» до «континента возможностей»¹; востребованность

знаний о христианской традиции веры, рассмотренной с точки зрения народов Африки в контексте постколониализма; поиски интеллектуальных средств выражения аутентичной африканской идентичности в ее panaфриканской или национальной моделях, разворачивающиеся в теологических дискуссиях. Рецензируемый сборник статей, редактором которого является Элиас Кифон

1. Bernhold, Ch. (2014) "Die 'neue' Afrika-Politik der BRD 'Chancenkontinent' deutscher Wirtschafts- und Machtpolitik", *Informationsstelle Mil-*

itarisierung (IMI) e.V. 3: 9–14 [http://www.imi-online.de/download/Juni2014_04bernhold.pdf2, accessed on 08.09.2022].

Бонгмба — один из ведущих специалистов в традиционных африканских религиях, — представляет собой научное справочное пособие, которое может в полной мере удовлетворить указанный интерес². Оно ставит своей целью проследить историю теологии в Африке в максимально широком диапазоне ее тем и проблем, нередко выходящих за границу религии.

Четыре раздела логично следуют друг за другом и посвящены, соответственно, анализу состояния исследовательского поля, репрезентации теологических движений на африканском континенте, спецификации региональных теологических тем и систематизации библейского и доктринального богословия. Таким образом, перед читателем развернута подробная картина африканских теологий с разъяснением и интерпретацией деталей и особенностей представленных верований. Символично, что издание посвящено памяти Фабьена Эбусси-Булага, камерунского философа и теолога, известного своими мучительными поисками баланса между африканской этнофилософией и *philosophia perennis*³.

2. Richetr, R., Flowers, Th., Elias, K. (2017) *Witchcraft as Social Diagnosis: Traditinal Ghanaian Beliefs and Global Health*. Lexington Books.
3. Eboussi Boulaga, F. (1977) *La crise du Muntu: authenticité africaine et philosophie: essai*. Paris: Présence africaine.

В первом разделе обозначены ключевые референты африканской теологии, по отношению к которым прямо или косвенно выстраивают свои размышления все авторы сборника — постколониализм, инкультурация, контекстное богословие, философия жизни *убунту*. Постколониализм открыл дорогу интеллектуальной элите африканских стран к осознанию и утверждению аутентичности стиля жизни и верований африканских народов; инкультурация позволила африканцам адаптировать Евангелие и Библию к местным культурам, в том числе религиозным, использовать их ресурсы для создания африканской теологии. *Убунту* — автохтонная южноафриканская философская концепция, означающая полноту переживания жизни человеком в процессе его сосуществования с другими людьми. В определенной мере она воспроизводит стих 12 главы 7 Евангелия от Матфея: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Общие узы внутри группы важнее любых индивидуальных споров и разногласий. В этом смысле *убунту*, подчеркивая внутреннюю связанность всех вещей, формирует механизмы соблюдения параметров социальной справедливости в аф-

риканских сообществах, становясь африканской версией гуманизма⁴.

Во втором, наиболее информативном разделе, состоящем из 11 глав, представлен целый ряд теологических движений Африки, так или иначе связанных со сквозными темами гендера, экологии, безопасности человека как платформы человеческого развития, обеспечения прав, защиты от негативных рисков, укрепления самобытности африканской культуры. Главы раздела позволяют составить картину многообразия теологий в Африке. Своего рода якорем теологических размышлений является *христианская африканская теология*, интерпретированная в главе 5 как результат диалога христианства с африканскими традиционными религиями, рецепция христианством мировоззренческих идей этих религий и, следовательно, его контекстуализация, интерпретация христианских идей в рамках этих религий, позволившая христианству стать важной частью социально-политической жизни континента.

Главы 6–10 посвящены политическим аспектам африканской теологии. В главе 6 рассмотрена история и специфика *феминистской теологии* в Африке, ее мис-

сия противодействия колониальному угнетению и утверждения социальной справедливости, построенной на основе философии *убунту*. Большое внимание уделено деятельности женщин-теологов, участниц всеафриканской организации «Круг обеспокоенных африканских женщин-теологов», которая своей контекстуальной и деколониальной интерпретацией Библии создает атмосферу сестринских отношений среди африканских женщин и успешно взаимодействует с глобальным феминистским движением.

Несомненный интерес представляет глава 7, в которой Т. ван Арде выявляет специфику *черной теологии* в Южной Африке не просто как инструмента борьбы с апартеидом, а как способа утверждения человеческого достоинства и черной идентичности. Черная теология ставит своей целью создание нового человека, а не провозглашение свободы, ведь после 1994 г. в Южной Африке появился новый класс богатых чернокожих, ставших новыми угнетателями. В этом и заключается, по мнению Арде, ее основное отличие от американского аналога, идеологически связанного с латиноамериканской теологией освобождения. Автор выявляет четыре последовательные волны черной теологии в Южной Африке: пробуждение черного сознания (ак-

4. Ngomane, N.M. (2019) *Everyday Ubuntu: Living Better Together, the African Way*. London: Bantam Press.

центрирование африканской культуры, значимости человека) и переоценка отношений с белыми, теоретизированные Стивеном Банту Бико, южноафриканским интеллектуалом и политиком, создателем концепции «черного сознания»; формирование коллективной черной идентичности, не привязанной к расе, а основанной на евангельском понимании человеческого существа, созданного по образу Бога; поддержка разнообразия африканских идентичностей, представленных в работах Аллана Обри Бусака (южноафриканского священнослужителя и политического активиста); коллективная борьба за восстановление солидарности черных «без расизма», за интегрированное мультикультурное африканское общество; «Документ Кайрос» 1985 г. чернокожих южноафриканских богословов об осуждении апартеида и особенно Кайросско-Палестинский документ 2010 г. Всемирного совета церквей о солидарности палестинцев с борьбой против апартеида, способствующие интернализации идеи признания ценности человеческого достоинства. Автор обращает внимание на то, что и Бико, и Бусака подчеркивали принцип покаяния: раскаяние угнетенных в том, что они позволили себя угнетать, создало условия для признания вины угнетателями, что привело к концу системы апартеида.

В главе 8 представлены *публичная и политическая теологии* Африки, в центре которых стоят вопросы взаимоотношения церкви и государства. Автор анализирует указанные теологии на двух уровнях — симбиотическом, где существующий политический порядок принимается религиозными сообществами как нормативный, и антагонистическом, на котором такой порядок отвергается или жестко критикуется. Иллюстрируя взаимосвязь этих уровней на примере истории Эфиопской православной церкви (т.н. дохадкидонской) и смещения акцентов от теологии освобождения к теологии реконструкции в философско-политической позиции Джесси Ндвиги Канюа Мугамби, известного кенийского философа и теолога, англиканского священника и экумениста, автор выявляет феномен *гибридных политических теологий* и предлагает рассматривать публичную и политическую теологии Африки не в синхронической, а в диахронической перспективе. Эти размышления отчасти продолжены в главе 9, где политическая теология рассмотрена на примере деятельности предстоятелей кенийских церквей в их непростом диалоге с государством времен президентства Дэниела арап Мои.

В главе 10 уже сам Мугамби изучает соотношение афри-

канской христианской теологии, теологии реконструкции и теологии переутверждения африканской идентичности в контексте поиска странами Африки путей строительства своего будущего после окончания холодной войны и в условиях нового расклада политических сил на континенте. Апеллируя к герменевтике канонических библейских текстов, нарративу о Ездre и Неемии, Мугамби предлагает сместить акценты с теологии освобождения на теологию реконструкции, предполагающую командную работу всего общества, и далее на ее преемницу — теологию переутверждения идентичности как своего рода “SWOT”-анализ, помогающий африканским странам определить свои сильные и слабые стороны.

В последующих пяти главах (11–15) тема теологии реконструкции рассматривается авторами с разных сторон. В главе 11 она связывается с *теологией здоровья*, основанной на синергии *imago Dei* и философии *убунту*, и через это с *теологией общества*, ориентированной на решение задач восстановления системы общественного здравоохранения. Глава 12, которую было бы логично поменять местами с главой 10, вновь возвращает читателя к идеям Мугамби о теологии реконструкции. Во-первых, автор утверждает, что последняя стала пятым

этапом развития африканского христианства после раннехристианской эпохи, периода португальского влияния XV–XVII вв., эры ранних миссионеров XIX — начала XX в. и, наконец, периода теологий адаптации, инкультурации и освобождения, возникших после перевода Библии на языки народов Африки; во-вторых, метафорически соотнося строки из Книги Неемии (2:17-18) с экономическими, социальными и иными проблемами Африки, автор полагает, что парадигма теологии реконструкции стала главенствующим мотивом африканской теологии XXI в.

В главе 13 в доколониальном контексте рассмотрены история и особенности *экуменической теологии* церковного ландшафта Южной Африки. Избыточно увлекаясь по ходу повествования историей экуменизма, автор приходит к выводу, что экуменическое богословие в Черной Африке нужно понимать как сотериологический дискурс, который и должен стать триггером социальных преобразований. Идея о том, что дискурс провоцирует преобразования, гармонирует с *теологией развития*, интересно теоретизированной в 14 главе С. Ило и И. Оту. Они выявляют шесть парадигм, формирующих концептуальные и теоретические рамки дискурса в африканской теологии развития: *теология творения* (вопрос

о нахождении Африки в центре Божьего плана); *теология истории* (вопрос о влиянии истории Африки и ее контактов с Западом на возможность континента наслаждаться плодами Божьей благодати); *теология культуры* (исследование эндогенных и заимствованных онтологических учений, определяющих вопрос об их роли в формировании доминантных типов мировоззрения); *теология антропологии* (вопрос о том, что такое африканская идентичность); *теология греха* (вопрос о политических структурах, системах и выборе отдельных людей, церквей и их лидеров, виновных в существующих проблемах континента); *критическая теология христианского импульса в Африке* (вопрос о том, является ли Африка новым центром христианства). Эти шесть парадигм авторы трансформируют в три типа африканской теологии развития как теологическую дорожную карту для всех церквей Африки: *теология надежды* как ежедневная практика превращения мечты о лучшем будущем в реальность, *теология маргинальности* как индикатор мест боли и отчаяния, где Божий Сын страдает и воскресает вместе с бедными и забытыми, *теология изобильности* как духовное стремление африканцев к достойной жизни во Христе в свете потребностей континента.

Завершает второй раздел сборника глава 15, где автор рассуждает о значении для африканской теологии декрета II Ватиканского собора “Ad gentes” от 18 ноября 1965 г., который положил начало «инкультурации» и контекстуальному богословию в Африке и способствовал возникновению трех главных направлений африканской теологии — черной, феминистской и теологии реконструкции.

В десяти главах третьего раздела сборника рассматриваются теологические проблемы на субрегиональном уровне. В главе 16 обсуждаются история и теология Эфиопской православной церкви, имеющие важное значение в связи с политизацией этничности в Эфиопии и с продолжающимся с ноября 2020 г. Тыграйским конфликтом. История и проблемы *евангелической теологии* представлены в 17 главе, где к числу последних отнесены интерпретация контекстуального подхода к Библии; различные взгляды на евангельскую веру, провоцирующие конфликты и конкуренцию между евангельскими церквями; «взлом» постмодернизмом бинарных оппозиций в социальной сфере, приведший к возникновению альтернативной сексуальности, и проч. Сходные проблемы найдены и в *экоотеологии*, рассмотренной в главе 18 на примере

теологических учений в Южной Африке. Их суть — в пересмотре «набора добродетелей», необходимых для решения вопросов защиты окружающей среды. Сотрудничество с экофеминистками, по мнению автора главы, дает здесь некоторую надежду на успех. Холистская сотериология *пятидесятичной теологии* шведских миссионеров, изложенная в главе 19, хотя и проливает свет на специфику религиозных миссий, но избыточно сконцентрирована на политико-теологических стратегиях пятидесятичных пасторов. Бóльший интерес представляет глава 20, посвященная африканской *нарративной теологии*. На основе исследования истории повседневности, анализа местных выражений и ритуалов, связывающих Евангелие с африканской социокультурной реальностью, раскрывается реальный процесс инкультурации.

Постколониальная теология как теология коренных народов и теология протеста обсуждена в главе 21. Традиционно подчеркнута значимость африканских доколониальных религий с их пониманием страдания для распространения в Африке христианского послания о распятии Спасителя; сформулированы основные постулаты постколониального христианства в Африке. Принимая во внимание справочный характер издания,

эта информативная глава будет важна для читателей, так же как и все последние главы этого раздела. Главы 22 и 23 повествуют соответственно о *теологии африканских независимых церквей* и о *теологии Жозефа Вресински*, основавшего организацию «Все вместе в достоинстве». В главе 24 рассмотрена *теология сексуальности* — один из самых спорных богословских вопросов в Африке. М. Гунда обращает здесь внимание на квир-культуру и болезненную проблему ее соотносимости с африканской христианской теологией, а также на специфику афрохристианских представлений о человеческой сексуальности вообще. В главе 25, посвященной *теологии миротворчества*, Н. Майянджа, слишком увлекаясь описанием специфики насилия в Африке и библейского понимания мира (*peace*), в последней части делает довольно тривиальный вывод о том, что «в Африке по-прежнему существует множество концептуальных и практических направлений теологии мира» (р. 391), и в девяти пунктах обозначает дежурные тезисы последней.

Заключительный раздел сборника посвящен обсуждению библейских и доктринальных тем — места Библии, христологии, сотериологии, экклезиологии, эсхатологии, теологии личности, литургической и эсха-

тологической теологии в африканской теологии вообще. В главе 26 утверждается, что хотя Библия является общим знаменателем христианской веры, в африканской теологии она не должна быть единственным авторитетом во всех сферах жизни, учения и служения. Необходимо избегать ловушки *sola Scriptura* и отличать теологию от библиологии. Глава 27 о христологии интересна прежде всего обсуждением *теологии снизу*, акцентирующей исторические христологические формулировки, инкорпорирующие Христа в доколониальные реалии Африки как предка, старшего брата, целителя, вождя. *Теология спасения* в главе 28 раскрыта через традиционные темы колониализма, постколониализма, безопасности и экологии. Глава 29 о *патристической теологии* в Африке построена вокруг истории споров о донатизме. Несмотря на избыточно обширные вводные части, интерес представляет глава 30 об африканской *теологии личности*. Автор обращает внимание на значимость философии *убунту* в реконструкции и теологической концептуализации личности в Африке, рассматривая эти процессы на примере истории народов группы *акан* и геноцида 1994 г. в Руанде. Последние две главы — о литургической теологии и эсхатологии в Африке —

интересны рассуждениями о теологии тела, о ритуалах и обрядах, а также идеей о том, что эсхатологическое мышление, восходящее к речениям Иисуса, должно стать «философией праксиса» и, опираясь на традиционные африканские религиозные представления, ориентировать людей на решение, прежде всего, проблем экологии и продовольственной безопасности.

В целом рецензируемый сборник, являющийся своего рода компендиумом школ и направлений африканской теологии, позволяет составить систематическое представление как о ее разнообразии, так и о состоянии ее исследований сегодня. Поэтому он может быть интересен и полезен не только африканистам и всем, кто интересуется проблемами христианства в Африке, но и исследователям христианства в целом.

М. Гласер

Библиография / References

- Bernhold, Ch. (2014) "Die 'neue' Afrika-Politik der BRD 'Chancenkontinent' deutscher Wirtschafts- und Machtpolitik", *Informationsstelle Militarisierung (IMI) e.V.* 3: 9–14 [http://www.imi-online.de/download/Juni2014_04bernhold.pdf2, accessed on 08.09.2022].
- Eboussi Boulaga, F. (1977) *La crise du Muntu: authenticité africaine et philosophie: essai*. Paris: Présence africaine.

Ngomane, N.M. (2019) *Everyday Ubuntu: Living Better Together, the African Way*. London: Bantam Press.

Richetr, R., Flowers, Th., Elias, K. (2017) *Witchcraft as Social Diagnosis: Traditional Ghanaian Beliefs and Global Health*. Lexington Books.

Shore, M. (2016) *Religion and Conflict Resolution: Christianity and South Africa's Truth and Reconciliation Commission*. Abingdon: Routledge. — 211 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-3-313-322>

Накануне первых демократических выборов в ЮАР, которые состоялись в 1994 г., международная пресса была наполнена мрачными предсказаниями будущего этой страны. Ей предвещали бесконечную расплату за десятилетия унижения черного и цветного населения, настоящую «кровавую баню» на улицах, вспышки шовинизма и «черного расизма». Британский писатель, журналист и историк Пол Джонсон в своей статье для журнала *The Spectator* писал:

Сейчас Южная Африка является единственной африканской страной, у которой есть хоть малейший шанс стать частью «первого мира». Но что случится через десять лет? Возможно, невиданно жестокая диктатура черных. Возможно, еще один театр бесконечных кровавых гражданских войн. В любом случае страна превратится в индустриальную

свалку, грязную, кровавую и бедную¹.

К счастью, выборы прошли спокойно, а пришедший к власти Нельсон Мандела провозгласил политику национального примирения. Южная Африка, по выражению архиепископа Десмонда Туту, стала «радужной нацией» (*Rainbow Nation*), где после четырех десятилетий апартеида люди всех рас должны были вместе строить будущее страны, оставив все обиды в прошлом. Но как это было возможно сделать? Как можно было простить тех, кто бросал в тюрьмы, мучал, расстреливал, насиловал, и жить с ними плечом к плечу, притворяясь добрыми соседями? Возможно ли было не допустить разгула самосудов и расправ? Именно для достижения «национального примирения», для осмысления

1. Johnson, P. (1994) "De Klerk has engineered a suicide leap into universal suffrage", *The Spectator*. 30 April, p. 25.